

Внутренняя «белка в колесе». Зависит ли качество лекарств от их цены

Еженедельник "Аргументы и Факты" № 5. «АиФ в Восточной Сибири» 03/02/2021

Анастасия Поздеева / АиФ

Нынешний год проходит в России под знаком науки и технологий. Кажется, это логично: пандемия лишний раз доказала, что мир спасают учёные, в том числе те, кто годами изобретает новые препараты.

Есть такие и в Приангарье. В преддверии Дня российской науки, который отмечают 8 февраля, мы поговорили о развитии науки, новых лекарствах и их стоимости с директором Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского СО РАН, доктором химических наук Андреем Ивановым.

Честная уравниловка

- Андрей Викторович, вы давали интервью корреспонденту «АиФ в ВС» в начале 2014 года, когда в разгаре была реформа РАН. Тогда академию делили на исследовательскую часть и хозяйственную - ФАНО, и учёные опасались, что это может затормозить развитие всей нашей науки. Что-то изменилось с тех пор?

- Активная фаза реформирования академии, с моей точки зрения, закончилась, даже с учётом того, что год назад ФАНО перестало существовать, слившись с министерством науки и высшего образования РФ. У нас появилась возможность взаимодействовать с этим ведомством в более-менее рабочем порядке. Конечно, до идеально работающего механизма, знаете, с немецкой точностью, как часы, ещё далеко. Но уже можно сказать, что достаточно чётко заработала система поступления финансов.

Важно, что в работе министерства появилось очень много моментов, которые вчистую сведены к неким формулам. Все эти личные факторы: «Съездил в Москву, пообивал пороги, что-то выпросил» - уходят в прошлое, и я отношусь к этим изменениям положительно. Нам, регионалам (в хорошем смысле слова), намного сложнее обивать пороги в Москве, чем московским учёным, поэтому, когда мы говорим о некой честной уравниловке, я могу это только приветствовать, каким бы бездушным это ни казалось.

- Получается, этакое ЕГЭ, только для науки?

- В некотором смысле, да, в том числе со всеми перекосами и недостатками единого госэкзамена.

Ещё одно новшество: я не помню раньше такого сближения академической науки и вузов, которое есть сейчас. В России разработана Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (многие называют её ПСАЛ),

которая направлена на развитие сотрудничества научных институтов и университетов. Она вызывает много настороженности у моих коллег, они опасаются поглощения академических институтов вузами.

Окончательного варианта программы ещё нет, но я очень надеюсь, что она не поменяется.

«Подсветить проблемы»

- Как вы считаете, тематический год поможет решить какие-то проблемы науки? Или это больше декларация?

- Задайте мне этот вопрос в конце года. Какого-то определённого статуса: что именно даёт год чего-то, нет. В первую очередь, это набор популяризационных действий, а они обычно имеют отложенный эффект. Я недавно досмотрел популярный сериал «Королевский гамбит» (Фильм рассказывает о девушке, гениально играющей в шахматы. -Прим.ред.). Его знаковость мы поймём только через несколько лет, когда увеличится набор в секции шахмат и так далее. Здесь то же самое. Если через несколько лет у меня в аспирантуре конкурс окажется выше, чем обычно, значит, этот год возымел свой успех. Задача года - поднимать вопросы и «подсвечивать» какие-то темы.

. .

- А год пандемии как-то помог «подсветить» науку? Теме здравоохранения в регионе, стране и мире явно стали уделять больше внимания. А вам?

- Знаете такой антисептик «Анавидин»? Это когда-то была наша разработка. Ещё в 2019 году компания, которая его производит в ТОСЭР Усоля, ставила себе задачи на уровне: «А давайте подумаем, как увеличить рынок сбыта». 2020 год для них всё поменял основательно.

Также прошлый год помог нам всё-таки открыть совместную лабораторию с АО «Фармасинтез». Мы несколько лет к этому шли. Лаборатория нацелена на то, чтобы создать абсолютно полное отечественное производство любого лекарства. Чтобы мы стартовали полностью от российского сырья, начиная условно с газа и нефти, чтобы ничего не надо было ввозить из-за рубежа. Препараты, над которыми мы там работаем, это, безусловно, вся «актуалка», одно из главных направлений - противовирусные.

Следующий шаг - проект создания совместно с Иркутским научным центром хирургии и травматологии так называемого Центра доклинических исследований и фармразработки. Это мощный серьёзный проект, который станет инструментом непрерывной разработки препаратов. Там уже можно будет говорить о появлении нового лекарства раз в два года, не реже. Это крайне амбициозная вещь. Сейчас мы пытаемся понять источник финансирования.

Вероятнее всего, это будет программа «Фарма 2030», мы ведём работу, чтобы в неё попасть. Речь идёт о примерно 1,5 млрд руб. А эта не та сумма, которую «пришёл, попросил - тебе дали».

«Высочка» в науке

- Лекарства стоят недёшево, притом год от года дорожают. Некоторые люди думают, что фарма наука работает, чтобы сделать тот же парацетамол, но в десять раз дороже. Что вы им ответите?

- Я бы просил их не забывать, что мир давно уже не плоский. Развитие фармацевтической отрасли - это лавинообразный процесс. Всё время появляется новая информация, открывается куча новых фактов: то, что считалось эффективным лекарством ещё недавно, вдруг оказывается не просто бесполезным, а вредным. Появление растворимых форм того же парацетамола, например, заметно снизило в своё время количество проблем с желудочно-кишечным трактом. Растворимость повышает биодоступность и позволяет добиться того, чего раньше добиться было нельзя.

Если говорить о новых аналогах, то зачастую у них меньше побочных эффектов. Очень чёткая картина наблюдается, например, на рынке нестероидных противовоспалительных препаратов: мы знали, что то лекарство, которое появилось первым, лучше было колоть, а не пить, потому что от него желудку могли прийти кранты. Сейчас на этом рынке есть уже второе и третье поколение препаратов, которые можно пить. Но они, конечно, дороже.

Я часто вижу гуляющие по всем соцсетям списки аналогов, мол, взамен этого дорогого препарата, возьмите этот дешёвый. Хорошо, если здоровый человек с мощной выводящей системой, с хорошим ЖКТ - вы, может, это выдержите, а кто-то - нет. Я не «топлю» за дорогие лекарства, я просто хочу сказать, что получить чуть больше информации всегда будет полезно. Есть мнение, что в побочные эффекты пишут

всё, что угодно, лишь бы в суд не подавали. Это не так: токсикологию изучают очень подробно.

- Вас называют самым молодым доктором наук в Сибирском отделении РАН...

- Это быстро произошло, так много уже докторов младше меня, что хоть плачь (смеётся). Мне исполнилось 40, самым молодым доктором наук я уже перестал быть, и слава богу. Это мешало работе. Директору института, как ни крути, приходится принимать непопулярные решения: увольнять людей, закрывать лаборатории, менять направления исследований, а слушать обвинения в том, что ты такой «зелёный сопляк» лезешь в то, чего не понимаешь, надоедает. Я не особо радуюсь тому, что старею, но к тому, что я перестал быть «молодым высочкой» в науке, отношусь хорошо.

- Получается, наша наука молодеет. Нет дефицита «свежей крови», о котором говорили раньше?

- Совсем молодых у нас в институте много, где-то треть. Средний возраст - в районе моего: 40-45 лет. Это продуктивнейший возраст: тебе уже не свойственна молодёжная горячность, но ты ещё полон энтузиазма и сил.

Дефицит, конечно, есть. У него много причин. Есть те, кто по-прежнему считает, что в столицах лучше, и надо ехать туда. Это устаревший стереотип: мы прекрасно понимаем, что всё равно, где ты занимаешься наукой. Она делается через интернет.

У меня есть ощущение, что мы столкнулись с какой-то новой проблемой. Есть условное деление на поколения, и молодое - для меня пока загадка. Дело не в их «тик-токах». Моё мнение, что у этих людей есть какая-то излишняя пассивность, а карьере учёного обычно выбирает человек с внутренней «белкой в колесе». Мы и с этим справимся, ведь все поколения диффузные, и человек может просто попасть не в «своё». Эти «штучные» люди - наша фокус-группа.

Главное, чтобы они поняли, что наука зачастую более созидательна, чем производство или бизнес.